http://www.zabvektor.com
ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 77. 778
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119

Лена Борисовна Степанова,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
(г. Якутск, Россия),
e-mail: solo007_79@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-2826-6295

Болезни индигенного населения Якутии в фотопроектах конца XIX – первой трети XX века

Тема болезней индигенного населения северной национальной окраины России, а также изучения сведений в области народной медицины и целительных практик в течение длительного периода относилась к табуированной части знаний. В начале XX в. происходит перелом в визуальной культуре региона, когда картина болезней была выражена посредством фотокамеры и стала достоянием общественности. Появляются работы фотографов, документирующих ход такого опасного заболевания, как проказа (инфекционное заболевание, обычно вызываемое кислотоустойчивой бациллой Mycobacterium leprae, характеризующееся поражением кожных покровов и периферической нервной системы человека). Целью исследования является изучение внешних факторов, повлиявших на генезис «медицинской» серии визуальных образов населения северо-востока Азии. Методология исследования построена на культурно-историческом анализе событий, предваривших её появление и последующее применение в медицинской практике с целью документирования хода болезней в уже советский период. В статье представлены результаты краткого обзора предыстории появления «медицинского» направления в этнографической фотографии Якутской области. Определен круг фотографов Якутской области, где нашли отражение сюжеты, иллюстрирующие болезни, от которых страдало местное население. В начале XX в. кадры лечебных практик и шаманских камланий для исцеления запечатлены в фотопроектах И. В. Попова и А. П. Курочкина. В 1920–1930-е гг. жанр «медицинской фотографии» представлен работами врача-эпидемиолога Т. А. Колпаковой, военного врача-хирурга Е. А. Дубровина, неизвестного с инициалом «Д», работавших в составе медицинских отрядов Комиссии по изучению производительных сил ЯАССР (КЯР) АН СССР и Наркомата здравоохранения РСФСР. Опыт изучения данной темы служит наглядной иллюстрацией специфики региона и в некотором роде служит подтверждением выводов, сделанных участниками многочисленных экспедиций, исследовавшими инородческое население Якутской области и прогнозировавшими его неизбежное вымирание в будущем.

Ключевые слова: медицинская антропология, антропология болезни, визуальные исследования, индигенное население, визуальный текст, визуальные источники

Lena B. Stepanova,
Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia),
e-mail: solo007_79@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-2826-6295

Diseases of the Indigenous Peoples of Yakutia in Photo Projects of the Late XIX – First Third of the XX Centuries

Disease theme of indigenous population of the Northern national outskirts of Russia, as well as the study of special knowledge in the field of traditional medicine and healing practices, for a long time belonged to the taboo part of knowledge. However, at the beginning of the twentieth century, there was a turning point in the visual culture of region, when the picture of diseases was expressed through the camera and became public. There are works of photographers documenting the course of the most dangerous diseases, such as leprosy and external manifestations of mental disorders. The aim of this study is to study external factors that influenced the genesis of the “medical” series of visual images of the population of Northeast Asia. The research methodology is based on a cultural and historical analysis of the events that preceded its appearance and subsequent application in medical practice in order to document the course of diseases in the Soviet period. This article presents the results of a brief review of the prehistory of the “medical” direction in ethnographic photography of the Yakut region. The circle of photographers of the Yakut region is defined, where stories illustrating the diseases that the local population suffered from are reflected. At the beginning of the twentieth century, footage of medical practices and shamanistic rituals for healing were presented in the photo projects

© Степанова Л. Б., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

by I. V. Popov and A. P. Kurochkin. In the 1920s-1930s. the genre of “medical photography” is represented by the works of the doctor-epidemiologist T. A. Kolpakova, military surgeon E. A. Dubrovin, unknown with the initial “D”, who worked in the medical detachment of the Commission for the Study the Productive Forces of the Yakut Republic (CYR) The Academy of Sciences of the Soviet Union and the People’s Committee the Health of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The experience of studying this topic serves as a clear illustration of the specifics of the region and in some way confirms the conclusions made by the participants of numerous expeditions that studied the foreign population of the Yakut region and predicted the inevitable extinction in the future.

Keywords: medical anthropology, anthropology of disease, visual research, indigenous people, visual text, visual sources

Введение. Фотография с момента своего появления стала рассматриваться как инструмент визуализации процессов наблюдения и исследования. В медицине она применялась для объективного документирования болезни или состояния пациента. Её возможности особенно широко использовались в первую очередь для фиксации прогрессирования болезней. Причём первые изображения больше походили на портреты, чем на клиническую документацию [1]. Преимущество фотографической визуализации заключается в том, что она показывает реальные условия. Пациентов фотографируют в их реальном окружении, раскрывая одновременно их социальный образ [2, с. 227]. В XX в. появляется чёткое различие между исследовательской фотографией и клинической «медицинской фотографией», которая должна была быть объективной, а не художественной или творческой. В настоящее время к категории визуализации болезни исследователи относят любое визуальное воссоздание недуга или опыт его переживания: иллюстрированные книги по анатомии, фотографии хирургических процедур, снимки пораженных участков тела и их изменение в процессе протекания болезни.

В зарубежной историографии существует подход к фотографической визуализации болезней для фиксирования медицинских методов, хода кожных и редких заболеваний. Отдельному изучению подвергается эпистемический статус научно-технических изображений (рентгеновские снимки, снимки УЗИ и т. п.), т. е. любое визуальное воплощение болезни обладает специфическими функциями и открывает новые возможности познания в процессе его изучения» [3, с. 23]. Одновременно с появлением значительного массива клинических фотоколлекций возникает вопрос конфиденциальности и ограничения широкого доступа. Особенности изучения «медицинской фотографии» в этнографических и медицинских исследованиях раскрываются с позиций этичности использования и принципов защиты изображений [4, с. 84].

Разочарование от системы организации медицинской помощи в современном обществе привело к возникновению интереса к оригинальным лечебным стратегиям, духовным практикам и ритуалам прошлого. Этому немало способствовала популяризация эклектичных техник в стиле нью-эйдж, суммировавших в себе универсальные архетипы шаманизма, характерные для всех культур (изменённое состояние, шаманское духовное путешествие, трёхуровневая вселенная, шаманская болезнь и др.). Появились научные работы, где учёные исследуют способности человека по применению собственных духовных сил для исцеления [5; 6, с. 201]. Существуют междисциплинарные исследования в области этики культурной компетентности и применения специальных народных знаний и целительных практик шаманизма в лечебной практике западной медицины. Поиск учёными новых направлений и трансформации научно-исследовательской стратегии иллюстрирует устойчивый интерес зарубежных исследователей к опыту неинституционализированных небиомедицинских традиций индигенных сообществ. Тема визуализации болезни в отечественной историографии представлена в работах исследователей медицинской тематики [7–9]. Наиболее демонстративными для визуальной интерпретации исследователи отмечают разделы медицины дерматокосметологии и ревматологии, проявления заболеваний которых расцениваются как патогномоничные [8, с. 96].

В конце XIX в. с развитием фотодела в Якутской области появились первые опыты в области визуального фиксирования с целью проведения анализа смертности и выявления наиболее опасных заболеваний среди местного населения. Хронологическим рубежом, разделившим проблему освещения данной темы в средствах массовой информации и в дальнейшем в авторских визуальных проектах фотографов, стал приезд в Якутскую область в 1891 г.

английской сестры милосердия Кэт Марсден. События, связанные со строительством Вилюйского лепрозория, открыли медицинское направление в визуальном нарративе Якутской области. Его интерпретация является интересной областью для анализа исторических событий, которые послужили причиной их появления в качестве особенного направления в визуальной культуре региона. В контексте предпринятого исследования фотография выступает в качестве нового инструмента, раскрывшего реалистичный срез состояния системы здравоохранения и качества оказываемой медицинской помощи на Севере. Целительные практики шаманизма и знахарства населения северо-востока Азии, их представления о здоровье и происхождении болезней, о теле, душе и витальных способностях исследователи склонны интерпретировать, основываясь в том числе на теории об особых психоментальных свойствах человека северных широт. По их мнению, секрет целительских способностей северных шаманов заключался в их особенной чувствительности и невероятном владении навыками в области построения и произношения интуитивных текстов-шифров, меняющих ход болезни, вплоть до полного излечения [10, с. 139–141; 11, с. 13–14].

Визуальная репрезентация болезней стала одним из элементов программного исследования населения, начиная с эпохи академических экспедиций XVIII в. С позиций самих носителей культуры, включая применение обрядовой практики для процедуры исцеления, объяснялось происхождение и причины болезни, её переживание и лечение, восприятие человеческим телом. К этому же периоду относится первые опыты визуальной фиксации шаманских камланий. Это работа экспедиционного художника Л. А. Воронина «Якутский шаман призывает духов для излечения больного», участника экспедиции И. И. Биллингса – Г. А. Сарычева (1785–1794), организованной по Указу Екатерины II. Художник побывал в том числе на территории северных районов современной Якутии. Материалы этой экспедиции были опубликованы только в начале XIX в.[1]

Медицинские доктора, которые надолго или даже навсегда оставались в Якутии, не ограничивались только лечебной работой и посвящали своё время изучению народных практик исцеления. Они же стали авторами трудов, касающихся вопросов медицины[2]. Среди исследователей современник декабристов доктор А. Уклонский, проживавший в Вилюйске и опубликовавший в 1841 г. «Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилюйском округе Якутской области»; И. Петухов, работавший в 1860–1870-х гг. в Якутске, автор статей «Желчный тифоид в Якутске» и «Какие причины ограничивать приращение население г. Якутска»; ветеринарный врач И. В. Попов и др. [12, с. 80]. Им же принадлежит трагичный прогноз о неизбежном вырождении «инородческого» населения. В отчётах на основе своих наблюдений они констатировали, что инородцы беспомощны перед «северными» болезнями (цинга, ревматизм и болезни глаз), но в первую очередь они страдают от ужасного санитарно-гигиенического состояния своего жилья и венерических заболеваний, а стационарный характер эпидемий тифа, оспы и скарлатины только повышает статистику смертности.

Актуальность темы исследования определена проблемой применения визуальных методов исследования для изучения, анализа и составления клинической картины болезней, распространённых только среди индигенного населения, живущего за Полярным кругом. К сожалению, полная картина существовавших у населения северо-востока Азии в досоветский период целительских практик и представлений, связанных с ними, до сих пор остаётся неясной. Между тем система здоровьесбережения и целительных практик местных знахарей и шаманов, включая магико-обрядовые практики, рассматривалась в российской этнографической науке. Она как одна из моделей этнического поведения входила в качестве объекта изучения во многие научные программы рубежа XIX–XX вв., включая их этноспецифическую составляющую. Это наглядно прослеживается в рисунках и фотографиях полевых материалов экспедиций рубежа XIX–XX вв. и в материалах медицинских отрядов Наркомпроса 1920–1930-х гг., где сохранилась репрезентативная визуальная картина наиболее распространённых болезней.

[1] Атлас карт и рисунков к путешествию в северо-восточную часть России и на острова северной части Тихого океана флота капитана Г. Сарычева. Без титульного листа, 51 лист карт и рисунков. – СПб.: Тип. Шнора, 1802. – 31 с.

[2] Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (РФ АЯНЦ СО РАН). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 85. Кротов М. А. Участие местных жителей в географических открытиях и изучении Якутии до Октябрьской революции. Август 1931 г.; поступил в 1944 г. – 19 л. – Л. 14–15.

Методология и методы исследования. Визуальный нарратив болезней населения Якутии рассматривается в русле исследовательских подходов социальной антропологии. Представлена интерпретация социальной реальности, транслируемой посредством «медицинской» фотографии. Зрительные образы не только воплощают социальный разрез общества, но и представляют собой картину душевных и телесных переживаний.

Результаты исследования и их обсуждение. В XIX в. с появлением технических возможностей фотографии передовая научная общественность приступила к формированию фотографических визуальных образов полиэтничного населения Российской империи. Экспедиционные и местные фотографы рубежа XIX–XX вв., фиксируя повседневный быт коренного населения Якутской области, обратили внимание на фиксацию болезней, связанных с ментальным здоровьем человека. В народных представлениях психические расстройства напрямую связывались с получением шаманского дара, поэтому при отсутствии каких-либо данных относительно болезни, исследователи попытались зафиксировать те элементы, которые лежали на поверхности, итогом стало появление серии фотопортретов шаманов и больных арктической истерий – менеряченьем[1]. Интерес к данной теме со стороны фотографов служит свидетельством внимания общественности. Медицинская психиатрия относит его к культурно и географически обусловленным психопатологиям, ввиду чёткого ограничения арктической истерии границами Полярного круга. Одна из самых репрезентативных по объему экспедиционной фотохроники, Джезуповская экспедиция, также включила в визуальную программу исследований данный вопрос. В ходе его работы, В. И. Иохельсон вместе со своей супругой Д. Л. Бродской, оказывавшие посильную медицинскую помощь юкагирским стойбищам, пострадавшим от эпидемии оспы и голода, не стали фиксировать проявление этой болезни на фотокамеру, хотя материалы экспедиции содержат описание самых распространённых болезней, а также отдельные кадры шаманских камланий на исцеление у коряков и чукчей.

[1] Менеряченье – психическое заболевание, широко распространённое среди коренных этносов Восточной Сибири, однако им заболевали и русские, долго жившие в Якутской области.

В начале XX в. фотографы Якутской области И. В. Попов[2] и А. П. Курочкин[3] независимо друг от друга, впервые снимают больных Вилюйского лепрозория. Фотография здесь служит документальным свидетельством отклика общественности на социокультурные изменения, которые произошли в обществе. В 1890-е гг. для такой провинциальной окраины, как Якутская область, приезд английской сестры милосердия Кэт Марсдэн подтверждал интерес со стороны международного сообщества к особым медицинским знаниям, которыми условно обладали северные локальные сообщества, включая особые свойства местной флоры, способной противостоять необратимым изменениям в организме, которую вызывала проказа. Безусловно, события, связанные с изучением проказы, стали причиной для пересмотра обществом своего отношения к этой категории больных, заметно улучшилось содержание лепрозориев, организовали постоянную медицинскую помощь для облегчения состояния больных проказой. В визуальной культуре региона эта тема открыла «медицинскую» серию фотографий (рис. 1).

Примерная датировка снятых кадров в 1904–1909 гг. свидетельствует о том, что, возможно, фотографы выполняли задание администрации Якутской области. У других фотографов Якутской области нет аналогичной или похожей «медицинской» серии снимков. Фотографии А. П. Курочкина, выполненные в Вилюйском лепрозории, имеют стиль официального репортажа: групповые фотографии пациентов лепрозория совместно с врачом и фельдшерами, процедуры перевязок, внутренний интерьер помещений, индивидуальные портреты больных. В динамике фотопроекта И. В. Попова после 1910 г. происходят изменения. Он приступил к серии фотографий «уличных типов» жителей г. Якутска с признаками душевных расстройств, а затем расширил географию своих съёмок, побывав в Вилюйском лепрозории. В фотопроекте И. В. Попова нет характерных признаков репортажной съёмки. В

[2] Основоположник изобразительного искусства Якутии Иван Васильевич Попов / сост. Д. К. Сивцев – Суорун Омоллоон; Национальный художественный музей РС (Я); Ытык-Кельский литературно-художественный музей «Таатта». – Якутск: Бичик, 2003. – 112 с. – С. 84, 88.

[3] Визуальное наследие народов Якутии: фотографический мир А. П. Курочкина (конец XIX – начало XX века): каталог / сост. Д. П. Попова, Т. Г. Старостина; Якутский государственный объединённый музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. – Якутск: Якутия, 2011. 128 с. – С. 94–95.

групповых снимках больные более расслаблены, располагаются в кадре свободно, согласно своим предпочтениям. И. В. Попов помимо съёмок Вилюйского лепрозория старается зафиксировать другие редкие заболевания, имеющие резко выраженные внешние деформации и разрушения. После этого появляется серия портретов двух душевнобольных женщин, страдающих полярной истерией: в покое и в моменты исступления, крупным планом (рис. 2).

Рис. 1. Курочкин А. П. Прокажённые Вилюйского лепрозория. В центре в форменном кителе и фуражке сидит врач А. В. Водзицкий. Из собрания Якутского государственного музея им. Ем. Ярославского

Fig. 1. Kurochkin A. P. Lepers of the Vilyui leper colony. Doctor A. V. Vodzitsky is sitting in the center in a uniform jacket and a cap. Yakut State Museum named after E. Yaroslavsky

Рис. 2. Попов И. В. Якутка, одержимая болезнью менеряченья. Якутская область. Начало XX в. Из собрания Иркутского областного краеведческого музея

Fig. 2. Popov I. V. Yakut, obsessed with Arctic hysteria. Yakut region. Early XX century. The Irkutsk regional museum

Это попытка фиксации сопутствующих раздражителей из внешней среды, обстоятельств, при которых это заболевание возникает, формируется и влияет на человека. И. В. Попов, будучи лекарем-практиком, имел возможность наблюдать (в том числе через возможности фотографии) за поведением своих больных [13, с. 223]. К сожалению, эти кадры единичны (рис. 3), часть его экспериментальных фоторабот считаются уничтоженными самим автором.

Рис. 3. Попов И. В. Нога мальчика-тунгуса, покрытая шерстью. Из собрания Иркутского областного краеведческого музея

Fig. 3. Popov I. V. Leg of a Tungus boy covered with hair. The Irkutsk regional museum

Отметим, что участники Сибиряковской и Джесуповской экспедиций в ходе реализации своих исследовательских задач сталкивались с историями вспышек как опасных, так и рядовых заболеваний населения, но не оставили фотосюжетов по данной теме. Вероятно, им как представителям «чужой» культуры не позволялось снимать, возможно, они придерживались морально-этических принципов, воздерживаясь от фотосъёмки больных, хотя возможности наглядной фиксации клинического хода болезни при помощи фотокамеры на тот момент признавались в российском научном сообществе. Таким образом, фиксация социальных контрастов, интерес фотографа к этим двум заболеваниям свидетельствует о внимании со стороны общественности к проблеме этих заболеваний в Якутской области.

В начале XX в. в развитии фотодела сохранялось традиционное восприятие этого технического носителя, воспринимавшегося как инструмент, реализующий возможности живописи. В 1920–1930-е гг. в научной среде СССР произошли глубокие когнитивные процессы, продиктованные сменой научно-исследовательской стратегии, оказавшие влияние на изменение методологического подхода по сбору иллюстративных материалов как инструментария научных исследований. Формируются основные парадигмы советской производственной этнографии, где экспедиционной фотографии и рисунку отводится роль повествовательной фиксации и последовательного документирования событий. Поэтому в советский период фактически все экспедиционные отряды, работавшие в ЯАССР, включая медицинские отряды Наркомпроса, были технически оснащены, а к отчётам требовалось прилагать наглядные фотосвидетельства о ходе работы.

Вторая половина 1920–1930-х гг. – период организации медицинской помощи в самых отдалённых уголках советского государства. Этот процесс сопровождался активной борьбой со знахарством. Факты обращения населения к ним за медицинской помощью нещадно критиковали, что с позиций медицинской науки, конечно, было оправдано. По мнению В. И. Харитоновой,

эти запреты на оказание лекарских услуг во второй половине XX в. лицами без медицинского образования и последовательная борьба с суевериями в обществе (запреты на проведение семейно-бытовых, родовых ритуалов поклонения, ритуалов с участием жрецов) привели к тому, что в традиционной практике всех народов СССР остались в основном не великие шаманы и могучие колдуны, а лекари, оказывающие помощь преимущественно натуропатического характера [11, с. 319].

В этот период советская этнографическая наука стала вытеснять из сферы полевых исследований изучение народной медицины, целительских практик и магии [14, с. 13; 15, с. 7]. Идеологический характер гуманитарных наук в советский период побуждал медицинское сообщество держаться в стороне и не позволял использовать в своих исследованиях историко-этнографические интерпретации, хотя и не мешал им одновременно фиксировать его наиболее любопытные проявления. Уделялось внимание последовательной визуальной фиксации болезней, от которых страдало местное население, санитарно-гигиенической обстановке, а также внешней и социальной среде, которая, как известно, играет ведущую роль в развитии болезней.

В 1925–1926 гг. медико-санитарный отряд КЯР АН СССР под руководством доктора С. Е. Шрейбера предпринял изучение эпидемиологической картины и санитарно-гигиенического состояния населения Якутского, Вилюйского и Олёкминского округов ЯАССР. В фотопроект медико-санитарного отряда КЯР попали: добыча лечебной грязи Кемпендяя, портреты больных полярной истерией, аллергические поражения у больных вследствие гельминтоза, фотоснимки озёр, у которых локализовались очаги различных болезней (Юнгкюр-кюёль в Мукучинском наслеге, появление проказы в Вилюйском округе), виды зданий больниц и лепрозория, внутренние интерьеры жилищ, фотографии с видами тесного контакта детей и телят, портреты больных проказой, хондросаркомой, карциномой и т. д. Отряд застал эпидемию натуральной оспы в Вилюйском округе, а также провёл исследование Вилюйского лепрозория и его архива [16, с. 10]. В числе наиболее распространённых болезней отряд отметил суставной ревматизм, гонорею, сифилис, малярию, паршу, туберкулёз, скарлатину, ветряную оспу, глистные инвазии (инфицирование ленточными червями) (рис. 4).

Рис. 4. Макарова Екатерина. 18 лет. Вилюйский округ. Медико-санитарная экспедиция проф. А. А. Владимирова. 1928 г. Из собрания Якутского государственного музея им. Ем. Ярославского

Fig. 4. Ekaterina Makarova. 18 years old. Vilyui district. Medical and sanitary expedition by Prof. A. A. Vladimirov. 1928. Yakut state museum named after Em. Yaroslavsky

В результате была реализована визуально-антропологическая методология изучения коренных народов северо-востока страны, включая сбор сведений о самых экзотических способах излечения. Шаманские практики и знахарство привлекли исследователей. Отдельное внимание было уделено изучению вопросов, связанных с изменённым состоянием мозга человека в моменты экстатических приступов в ходе камлания или приступа менеряченья. В фокус интересов члена медико-санитарного отряда Т. А. Колпаковой, помимо интереса к якутскому целительству, также входило изучение феномена изменённого состояния сознания у человека со специальными знаниями (шаман), при помощи чего больной излечивался. Врач попыталась проанализировать истории болезней больных, проживавших с шаманами, и случаи психи-

ческих заболеваний, которые сам больной либо его окружение связывали с шаманским посвящением «эттении» (человек болеет, а его тело в это время рассекают на части «духи»). В ходе работы в Вилюйском лепрозории Т. А. Колпакова наблюдала за отношением к проказе со стороны местного населения. Последние считали, что проказа «кусаган ыарыы» (плохая болезнь), является наследственной болезнью, а сами больные предпочитали пожизненному заключению в лепрозорий кочёвку по тайге до полной инвалидности [16, с. 85].

Медицинский отряд Народного комиссариата здравоохранения РСФСР под руководством военного врача-хирурга, выпускника медицинского факультета МГУ Е. А. Дубровина был направлен для работы в медицинском передвижном пункте для оказания медицинской помощи населению Булунского округа ЯАССР. Перед отрядом также были поставлены задачи по организации культурно-просветительской и санитарно-гигиенической работы. Отряд прибыл в Булун 5 сентября 1927 года и пробыл до 7 февраля 1928 года, выполнив диагностирование и лечение населения. По итогам экспедиции Е. А. Дубровин в своём отчёте о результатах работы экспедиции от 16 января 1929 г. ходатайствовал перед центральными исполнительными органами власти «об организации постоянной лечебной помощи населению, завоза продуктов питания и предметов домашнего обихода, открытия постоянных медицинских пунктов в населённых пунктах»[1]. Был обеспокоен ростом алкоголизации населения, участившихся случаев обмена пушнины на спирт и самогонку. Остались интересные наблюдения, в которых Е. А. Дубровин рассказал о шаманских практиках и знахарстве, широко практиковавшихся среди населения для излечения от болезней. Программа обследования была составлена НКЗ РСФСР[2].

На фотографиях медицинских отрядов Наркомпроса отражена неприглядная картина глубокого бедственного положения коренного населения. Это шокирующие кадры полуголых людей, больных проказой, трахомой, туберкулёзом, различными видами язв, психически больных людей (страдающих припадками эмиряченья). Кадры с картинами санитарно-гигиенического состояния жилищ, чередуются с пейзажными снимками снежных арктических пространств тундры, где на километры вокруг отсутствует жизнь, визуализируя суровую картину повседневной жизни Севера. Этот неожиданный социально-острый срез жизни общества, выполненный врачами, – своего рода откровение, что оказывает на неподготовленного зрителя тяжёлое моральное воздействие. Особенно это ощущается в фотоколлекции неизвестного врача «Д» (имя не удалось установить), выполненной им во время работы в медпункте НКЗ РСФСР в Верхнеколымске в 1930–1933 гг. Фактически это мини-повествование о жизни Колымского округа ЯАССР, где располагался территориальный лепрозорий. Наблюдению врача подвергается вся окружающая его действительность и инфраструктура северных посёлков Колымского округа. Главный объект фотографа – человек и его социальные контексты в окружающем обществе (рис. 5).

Рис. 5. Прокажённый больной Илья Слепцов. Медпункт НКЗ РСФСР в Верхнеколымске. РФ АЯНЦ СО РАН. Иллюстративный фонд

Fig. 5. Leprosy Ilya Sleptsov. Medical center in Verkhnekolymsk. Illustrative fund the Archive of Yakut scientific center of SB RAS

[1] Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФ АЯНЦ СО РАН). – Ф. 4. – Оп. 25. – Д. 1. Доклад о работе медицинского пункта № 2 за период 1927–1928 гг. в Булунском округе. 1929 г. – Л. 27.

[2] Народный комиссариат здравоохранения РСФСР – орган государственной власти в ранге министерства, управлявший развитием здравоохранения с 1936 по 1946 г.

Профессиональный акцент на фиксацию «медицинских сюжетов», с тщательным вниманием к окружающей внешней среде, с упором на социальный фактор демонстрируют нам взгляд врача-специалиста (рис. 6).

Рис. 6. Фотограф «Д». Юкагир Спиридонов в своей юрте в м. Червонная Васка вблизи Среднеколымска (20 верст). Медпункт НКЗ РСФСР в Верхнеколымске. 1932. РФ АЯНЦ СО РАН. Иллюстративный фонд

Fig. 6. Photographer *"D". Yukagir Spiridonov in his yurta in the Chervonnaya Vaska near the Srednekolymsk. Medical center in Verkhnekolymsk. 1932. Illustrative fund the Archive of Yakut scientific center of SB RAS*

Характер фотографий позволяет говорить о длительных поездках врача в пределах Колымского округа[1]. Эти кадры во многом схожи с фотоотчётом, выполненным врачом Е. А. Дубровиным, с небольшой деталью: его интересовали типы поражений и области распространения лепры на теле у больных.

Отметим, что в 1920–1930-е гг. благодаря долгосрочным наблюдениям врачей, подолгу живших на Севере, были сделаны интересные выводы о характере витальных функций, которые приобретает человеческий организм в условиях резко континентального климата. Выделили систему целительных практик, основанных прежде всего на владении словом. К сожалению, оригинальные лечебные стратегии и ритуалы, раскрывающие витальные функции этнической культуры коренного населения северо-востока Азии, во многом утрачены. Существующий разрыв в сборе целительных песен, камланий со словесной визуализацией для изгнания духа болезни и последующего излечения в какой-то мере восполняется материалами полевых интервью, выполненных сотрудниками НИИиЯК при СНК ЯАССР в конце 1930-х гг. Обрядовые заклинания, целительные песни, камлания со словесной визуализацией для изгнания духа болезни содержат не только нарратив народных представлений о болезнях и смерти, но и констатируют тему магического разрешения социальных катаклизмов как эпидемии при помощи неких заговорно-заклинательных актов.

В 1950-е гг. к теме представлений, поверий и здоровьесберегающих народных практик, связанных с болезнями, обратился известный учёный-северовед И. С. Гурвич. Ценность его полевых сборов для получения новых материалов в области антропологии болезней у коренных этносов северо-востока Сибири неоспорима. Разрабатывая интеграции целительских систем, сравнивая практики народных целителей и шаманов в северных районах

[1] РФ АЯНЦ СО РАН. – Ф. И. – Оп. 5. – Д. 2. Верхнеколымский район ЯАССР. Экспедиционные фотографии 1932–1933 гг.

ЯАССР, И. С. Гурвич сделал важный вывод о том, что в памяти народа сохранились жизнесберегающие стратегии северного мира. Поэтому полевые материалы, собранные им в 1951–1959 гг., представляют особую значимость, т. к. его информаторами выступали люди, ещё заставшие время, когда в сёлах не было учреждений здравоохранения, вопросы лечения решались с помощью народной целительской практики. В крайних случаях обращались за помощью к шаманам. В результате сравнительного анализа сюжетов преданий о происхождении таких опасных болезней, как корь и оспа, учёный сделал ряд интересных выводов о заимствовании собирательного образа болезни от русских и проникновении его в корпус локальных демонологических представлений [17, с. 269]. В результате была проведена комплексная экспертиза нарратива болезней в устном народном фольклоре, собран материал, иллюстрирующий эти данные. Разрабатывая интеграции целительских систем, сравнивая практики народных целителей и шаманов в разных районах ЯАССР, исследователи Т. А. Колпакова и И. С. Гурвич приходят к выводу, что данный феномен мог сформироваться в результате исторических контактов местных и пришлых культур у границ Полярного круга. По их мнению, ключевую роль на возможности целительных практик северных сообществ оказывало влияние историко-культурного ландшафта.

Заключение. В настоящее время исследования народных представлений в контексте болезни и здоровья, в рамках знаково-символических измерений получают в мировой науке новую актуальность. Изучение лечебных стратегий, заговорно-заклинательных актов и ритуалов раскрывает систему народных знаний о витальном ресурсе этнической культуры. Ассоциативная оценка визуального ряда образов болезни позволяет делать вывод о том, что предпосылкой появления «медицинской» серии в фотопроектах Якутской области в конце XIX – начале XX в. становится интерес общественности после появления первых исследований, посвящённых медико-санитарному состоянию региона. В силу этих причин объектом для фотографирования выступили больные проказой и арктической истерией. Последовательное фиксирование и изучение опасных заболеваний с целью изучения их клинической картины начинается со второй половины 1920-х гг. Фотография при этом служит документированием патологических изменений – последствий оспы, кори, скарлатины, а также запущенных случаев болезней суставов и кожи, деформирующих человеческое тело. Вместе с тем именно в этот период медицина официально перестала изучать вопросы восприятия и опыт переживания симптомов болезни самими пациентами (визуальные «рассказы») и народными методами исцеления. Начался переход в область клинических наблюдений за общей картиной болезней и их медикаментозным лечением. Воспроизводство визуальных образов картины болезней индигенных сообществ и социального контекста должно было служить документальной базой для изучения болезней, характерных для отдельных этнических групп.

Статья может быть интересна широкому кругу читателей, интересующихся историей «медицинской фотографии», гуманитарными проектами советской визуальной антропологии.

Список литературы

1. Maina S. Medical photography in the nineteenth century: from portraits to clinical photography. Hectoen International. A Journal of medical humanities, 2018. https://www.hekint.org/2018/03/05/medical-photography-nineteenth-century-portraits-clinical-photography/ (дата обращения: 20.10.2020).

2. Aberer E., Stieber W., Homayoon D. and others. Medical Photography: Documentation, Art, and the Expression of Human Emotions. Case Rep Dermatol. 2016. Sep-Dec. No. 8. Pp. 227–238. DOI: 10.1159/000449034.

3. Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб., 2007. 328 с.

4. Bielsa A. A., Sanchez M. V., García A. G., García I. P., Horcajo R. R. Survey on medical photographs: current trends and legal and medical implications // Angiología. 2021. Vol. 73. Pp. 76–86. DOI: 10.20960/angiologia.00270.

5. Kolodeznikova L., Peers E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism // World Views Environment Culture Religion. 2015. Vol. 19. Pp. 245–264. DOI: 10.1163/15685357-01903003.

6. Robert Huff R., Gulliver S., Cohen L. Traditional Healing Practices and Healers // The Wiley Encyclopedia of Health Psychology. Special Issues in Health Psychology. 2020. Vol. 4. Pp. 199–204. DOI:10.1002/9781119057840.ch202.

7. Медведева Л. М. Визуализация болезни: история и современность // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 16–18.

8. Монахов С. А. Ревматические болезни сквозь призму изобразительного искусства // Научно-практическая ревматология. 2008. № 4. С. 94–96.

9. Воробьев А. А., Петрова И. А. Хирургия в изобразительном искусстве. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 368 с.

10. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

11. Харитонова В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.

12. Уклонский А. Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилюйском округе Якутской области: сведения о болезнях среди якутов (глисты, проказа, трахома) // Журнал Министерства просвещения. 1841. Ч. 39, № 1. С. 80–106.

13. Попова Л. С. Лечебная практика в деятельности художника И. В. Попова // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция: материалы Всерос. науч.-полевого семинара, посв. 100-летию А. А. Попова и 125-летию В. Н. Васильева. Новосибирск: Наука, 2010. С. 220–226.

14. Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.

15. Хаккарайнен М. В. Локальные представления о болезнях и лечении (посёлок Марково, Чукотка): дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2005. 206 с.

16. Колпакова Т. А. Эпидемиологическое обследование Вилюйского округа ЯАССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 292 с.

17. Гурвич И. С. Якутско-юкагирские предания об оспе: к вопросу о путях формирования демонологических образов // Социальная организация и культура народов Севера: сб., посв. памяти Б. О. Долгих / отв. ред. И. С. Гурвич; АН СССР; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. С. 249–269.

Статья поступила в редакцию 30.10.2020; принята к публикации 25.12.2020

Сведения об авторе

Степанова Лена Борисовна, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; e-mail: solo007_79@rambler.ru; https://orcid.org/0000-0002-2826-6295.

Библиографическое описание статьи

Степанова Л. Б. Болезни индигенного населения Якутии в фотопроектах конца XIX - первой трети XX века // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 108–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119.

References

1. Maina, S. Medical photography in the nineteenth century: from portraits to clinical photography. Hectoen International. A Journal of medical humanities. 2018. Web. 20.10.2020. https://www.hekint.org/2018/03/05/medical-photography-nineteenth-century-portraits-clinical-photography/ (In Engl.)

2. Aberer, E., Stieber, W., Homayoon, D. and others. Medical Photography: Documentation, Art, and the Expression of Human Emotions. Case Rep Dermatol, Sep-Dec, no.8, pp. 227–238, 2016. DOI: 10.1159/000449034. (In Engl.)

3. Hagner, M. History of science. Science and scientific character in a historical perspective. Sankt-Peterburg, 2007: 8–36. (In Rus).

4. Bielsa, A. A., Sanchez, M. V., García, A. G., García, I. P., Horcajo, R. R. Survey on medical photographs: current trends and legal and medical implications. Angiología, vol. 73, pp. 76–86, 2021. DOI: 10.20960/angiologia.00270. (In Engl.)

5. Kolodeznikova, L, Peers, E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism. World Views Environment Culture Religion, no. 19, pp. 245–264, 2015. DOI: 10.1163/15685357-01903003. (In Engl.)

6. Robert, Huff R., Gulliver, S., Cohen, L. Traditional Healing Practices and Healers.The Wiley Encyclopedia of Health Psychology. Special Issues in Health Psychology, vol. 4, pp. 199–204, 2020. DOI:10.1002/9781119057840.ch202. (In Engl.)

7. Medvedeva, L. M. Disease visualization: history and modernity. Cultural life the south of the Russia, no. 2, pp. 16–18, 2012. (In Rus.)

8. Monahov, S. A. Rheumatic diseases through the prism of fine art. Scientific and practical rheumatology, no. 4, pp. 94–96, 2008. (In Rus.)

9. Vorobyov, A. A., Petrova, I. A. Surgery in fine arts. M: GEOTAR–Media, 2009. (In Rus.)

10. Eliade, M. Shamanism: archaic techniques of ecstasy. Kiev: Sofia, 2000. (In Rus.)

11. Haritonova, V. I. Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the Millennium. M: Nauka, 2006. (In Rus).

12. Uklonskiy, A. Brief medical-topographical and partly statistical notes about Vilyui district of the Yakut region: Information about diseases among the Yakuts (worms, leprosy, trachoma) // Journal of the Ministry of Education, ch. 39., no. 1, pp. 80–106, 1841. (In Rus.)

13. Popova, L. S. Medical practice in activity of the artist I. V. Popov. In the name of the revival, preservation and development culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition: materials of Russian scientific field seminar "In the name of the revival, preservation and development culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition", dedicated to the 100-th anniversary of A. A. Popov and the 125-th anniversary of V. N. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 2010: 220–226. (In Rus.)

14. Lavrov, A. S. Witchcraft and religion in Russia 1700–1740. M: Drevlekhranilishche, 2000. (In Rus.)

15. Hakkarajnen, M. V. Local concepts of disease and treatment (Markovo village, Chukotka). Cand. sci. diss. Sankt-Peterburg, 2005. (In Rus.)

16. Kolpakova, T. A. Epidemiological examination the Vilyui district of Yakut republic. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933. (In Rus.)

17. Gurvich, I. S. Yakut-Yukagir legends about smallpox: (on the question of ways to form demonological images). Social organization and culture peoples of the North: Dedicated to the memory of B. O. Dolgikh. Ed. by I. S. Gurvich; Academy of Sciences USSR. Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay. M: Nauka, 1974: 249–269. (In Rus.)

Received: October 30, 2020; accepted for publication December 25, 2020

Information about author

Stepanova Lena B., Candidate of History, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677027, Russia; e-mail: solo007_79@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2826-6295.

Reference to the article

Stepanova L. B. Diseases of the Indigenous Peoples of Yakutia in Photo Projects of the Late XIX – First Third of the XX Centuries // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 108–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119.